

Свинцовая пуля размером с вишню упала в таз с жестяным и в высшей степени приятным звуком:

Клонг!

Зара была чрезвычайно рада наконец освободиться от пуль, которые вошли в тело на глубину пальца. О том, как из каменного мешка она вернулась обратно в номер гостиницы, Зара могла вспомнить весьма туманно, как Грегор д'Арк исчез из поля зрения, и она села с Фальком на его лошадь. Тут изнеможение черной волной нахлынуло на нее. Частично оттого, что схватка с бродягами отняла у нее больше сил, чем она хотела бы отдать; но большей частью приступ слабости был психологического характера — защитным механизмом, не позволяющим критически разобраться с тем, что именно она сделала. Проще окунуться в темноту забытья, чем примириться с мыслью, что за несколько минут она разрушила все, к чему стремилась в течение долгих лет, осознать, что она так и осталась монстром, демоном, кровопийцей, без зазрения совести убивающей людей, движимой только жаждой крови и желанием разрушать.

У Зары вырвалось сдавленное шипение, когда глухая боль пронзила плечо. Она резко повернула голову, и Фальк виновато пожал плечами.

— Мне очень жаль, — сказал он, с грубым железным пинцетом в левой руке, который ему дала жена хозяина таверны, когда они вернулись в свой номер. В другой руке он держал бутылку шнапса, который, собственно говоря, должен был послужить для того, чтобы дезинфицировать раны Зары, но большая часть алкоголя пошла на то, чтобы снять механизмы торможения у Фалька. Он уже вынул из ее тела две пули, и когда вытащит все, бутылка наверняка опустеет.

— Извини, пожалуйста, рука дрогнула.

— Ладно уж, — проворчала Зара и снова легла на живот; ее продырявленная полудюжиной пуль рубашка валялась скомканной у кровати, она была наполовину раздета. — Продолжай.

Фальк кивнул, помедлил, сделал еще один большой глоток и поставил бутылку на ночной столик, прежде чем с пинцетом и ножом в руках решительно нагнуться над лежащей перед ним на кровати Зарой, одетой лишь в брюки и сапоги. При других обстоятельствах вид лежащей прекрасной молодой полуголой женщины, возможно, возбудил бы его, но сейчас все его внимание было поглощено лишь огнестрельными ранами, украшавшими спину Зары.

Фальк сел рядом на край кровати, поправил на ночном столике масляный светильник так, чтобы свет падал на спину Зары, собрал все свое мужество, склонился над раной в левом плече и погрузил пинцет в пулевое отверстие. Зара скривила лицо, когда попытка ухватить пулю Фальку опять не удалась.

— Ой, — воскликнул Фальк, опережая слова Зары, и лицемерно добавил: — Тебе больно?

Зара фыркнула.

— А ты как думаешь? — прорычала она. Затем поняла, что сорвалась, и несколько смягчила тон. — Я, вероятно, не могу быть абсолютно такой, как человек, — сказала она, — но чувствую боль так же, как и любой из вас. Хотя я несколько... ну да, крепче вас и могу больше вынести.

— Во всяком случае, рана почти не кровоточит, — заметил Фальк, продолжая выуживать с помощью ножа и пинцета свинцовую пулю в ране на правом плече Зары.

— Только у живых идет кровь, — ответила Зара и снова скривила от боли лицо.

Фальк рывком извлек из раны пинцет и поднял повыше свинцовую пулю.

— Ну вот мы и поймали подлого преступника! — торжествуя, воскликнул он и небрежно бросил пулю к остальным в таз.

Клонг!

— Третья, — заметил он. — Половину вытащили.

Зара кивнула.

— Теперь в груди.

Она повернулась на спину. Заметив, что Фальк при виде ее обнаженной груди сухо сглотнул, тихо, но не обидно рассмеялась.

— Только спокойно, — умиротворяющим голосом сказала она. — Наверняка я не первая обнаженная женщина, которую ты видишь в своей жизни. Или я ошибаюсь?

Фальк поспешно закивал. Она выдавила из себя кривую ухмылку и откинулась на подушки.

— Не бойся, — мягко сказала она, свободно заложив руки за голову, — я не кусаюсь.

Фальк сделал еще глоток и снова приступил к делу, хоть ему стоило заметных усилий осторожно исследовать рану, чтобы обнаружить, где застряла пуля. Когда он почувствовал пальцами затвердение в двух-трех сантиметрах правее входного отверстия раны, он непроизвольно кивнул и с сосредоточенным выражением лица начал выуживать пулю из живота, на ширине ладони от пупка. Он снова обратил внимание, как мало крови выходит из потревоженной им раны, и был этому рад, потому что так легче внушить себе, что, например, запускаешь руку в буханку хлеба или в арбуз, которые определенно не чувствуют боли. Так было проще ухватить в ране пулю и вытащить ее. Несмотря на свою сущность, Зара была похожа на любую другую женщину — ее кожа была мягкой и теплой на ощупь, возможно, не такой теплой, как у других, но достаточно, чтобы заставить поверить кого угодно, что она

живая, и пот на ее коже поблескивал в свете лампы, как будто тело было натерто маслом.

— Соответствуют ли истине все эти вещи, которые рассказывают о вас? — спросил он, наконец.

— Какие вещи? — переспросила Зара.

Он покачал головой:

— Ну, ты сама знаешь... Что вы боитесь святой воды и распятий, не выносите запаха чеснока и что вас можно убить, только если загнать осиновый кол в сердце... Всякие такие вещи.

Зара несколько не удивилась, что Фальк задал эти вопросы, если бы она была на его месте, ее бы тоже крайне интересовали подобные вещи.

— Ну, кое-что из этого соответствует действительности, но насчет кола в сердце и запаха чеснока — это бабьи сказки, выдумки, чтобы уверить людей в безопасности перед такими, как я.

Клонг!

Следующая пуля упала в жестяной таз.

— Если многое из того, что о вас говорят, бабьи сказки, — продолжал Фальк, снова склонившись над Зарой и теперь много смелее, чем минуту назад, обследуя огнестрельную рану между третьим и четвертым ребрами, и желая удостовериться, что ее сердце не бьется, — как тогда обстоит дело с мифом, что вампиром становятся, только если человека укусит другой вампир?

Он оторвался от раны и вопросительно посмотрел ей в лицо; в скудном свете лампы по его лицу ползали неровные тени.

— Это соответствует действительности?

Зара кивнула:

— Более или менее.

— И как... — Фальк запнулся, прервался, стал искать подходящие слова, но, даже когда они уже вертелись у него на языке, побоялся сформулировать вопрос.

Но Зара прекрасно знала, что он хотел спросить.

— Как я стала тем, кто я сейчас?

Фальк нерешительно кивнул.

Зара смотрела на него и чувствовала, что при вопросе Фалька дверь темницы, за которой она заперла все свои плохие воспоминания, как будто чуть приоткрылась. Впервые по прошествии почти вечности она подумала о том, как она стала тем, кем сейчас является, и по мере того, как дверь воспоминаний открывалась все шире и духи прошлого принимали ясные очертания перед внутренним взором, ей становилось ясно, что просто так некоторые вещи не запрешь — безразлично, сколько замков навешать на дверь и сколько усилий приложить, чтобы о них забыть, но однажды они снова выползут из своих могил, правда издающие зловоние и истлевшие, однако живые, как прежде, и пришла наконец пора, чтобы быть подготовленной к этому или, по меньшей мере, иметь кого-то, кто подстрахует тебя...

Зара помедлила еще мгновение, прикрыла глаза, и когда снова их открыла, ее взгляд был направлен в какую-то неведомую даль, во времена, столь давние, что в Анкарии знали о них только из легенд и историй родителей, бабушек и дедушек.

— Когда я приняла кровавый поцелуй, в Анкарии царила война, — начала она тихим, но постепенно все крепнущим голосом. — Аарнум Первый был нашим королем, и я сражалась на его стороне против темных эльфов, которые владели тогда отдаленными районами королевства. Больше всего в восточных и южных областях народ стонал от террора темных эльфов, которые снова и снова спускались с покрытых облаками серых гор на востоке и с грабежами и убийствами двигались по стране. Бесчисленные поселения на востоке страны стояли в дыму и огне, но никакой материальной заинтересованности у темных эльфов не было; все, что они хотели, — это собрать побольше душ для своего кровожадного бога, чтобы благодаря его милости достичь бессмертия, и потому они могли бы вечно тиранить наш мир. Им было совершенно безразлично, были это души мужчин, женщин или детей. Разбой и мародерство позднее переняли орки, с которыми они заключили пагубный союз, и те сжигали до основания то, что пощадили темные эльфы. Ужасный союз, который привел Анкарию на край гибели.

Зара прервалась, взяла с ночного столика бутылку шнапса, чтобы сделать глоток, в то время как Фальк задумчиво кивал с бесполезным пинцетом в руке; он слышал истории о Большой войне, о том, как орки и темные эльфы терроризировали страну и сколько тысяч жертв стоило это. Только он, разумеется, никогда не встречал свидетелей и участников тех событий. Да это и не было удивительным: Аарнум I правил Анкарией тысячу лет назад...

Сделав глоток, Зара скривила лицо, когда алкоголь обжег горло, но не отставила бутылку и продолжила рассказ:

— Я не знаю, сколько погибло тогда, но, должно быть, сотни тысяч. Сначала люди пытались обороняться, король посылал войска в надежде с помощью военной силы стать хозяином положения, но это привело лишь к тому, что еще больше людей погибли, ибо темные эльфы и без того были сильными противниками, но в союзе с орками стали практически непобедимы.

Зара сделала еще глоток.

— Аарнум Первый не мог предотвратить того, что темные эльфы, как чума, все дальше распространялись по Анкарии, и в результате вынужден был сам спасаться бегством, чтобы сохранить свою жизнь. С горсткой оставшихся подданных он нашел убежище в лесной крепости Тир-Фазуль в лесах Эльбы около западной границы. Оттуда он стал рассылать гонцов по всей Анкарии, чтобы собрать армию. Однажды один из гонцов постучал в ворота родового замка фон Ланштейнов. Когда-то Родерик фон Ланштейн служил фельдмаршалом у отца Аарнума, так же как его отец и отец его отца. Аарнум Первый надеялся, что может рассчитывать на его служение. Но сам Родерик фон Ланштейн был слишком стар и уже не в силах держать меч. Тогда, чтобы поддержать семейную честь и послужить родине, дочь фельдмаршала — единственное дитя — решила последовать призыву короля.

— Это была ты, не так ли? — спросил Фальк. — Дочь фельдмаршала?

Зара ничего не ответила. Наверное, она даже не расслышала вопроса Фалька, так глубоко погрузилась в воспоминания.

— Девушке было двадцать лет, когда она поступила на службу королю и в Тир-Фазуле была посвящена в рыцари. Сначала все казалось одним большим приключением — армия Аарнума использовала тактику темных эльфов и покидала лесную крепость, чтобы делать короткие, целенаправленные набеги на посты врага или транспортные эшелоны снабжения. Наши потери были незначительны, и наша самонадеянность возрастала день ото дня. Однажды король решил, что настало уже время отвоевать обратно Анкарию, и мы выступили, чтобы очистить страну от темных эльфов и орков. Приключение обернулось крайне серьезным, кровавым делом, так как мы одновременно сражались на двух фронтах, стараясь оттеснить темных эльфов на востоке и орков на юге. Нам пришлось разделить силы и, как следствие, лишиться численного превосходства. Скоро количество жертв с нашей стороны стало возрастать. Многие умерли — так много... — Ее голос стал тише, затем она с упрямством продолжила: — Все же нам удалось оттеснить врагов и отвоевать много областей. В какой-то момент на нашу сторону встали гномы, которые боялись, что изгнанные демоны начнут искать убежища в подземном царстве и станут посягать на их владения. Гномы полагали, что, если они помогут людям истребить темных эльфов и орков, опасность будет устранена, и таким образом к нам присоединилась значительная армия из Гнарлштадта, находившегося глубоко под землей. И вот, наконец — прошло уже несколько лет после того, как молодая воительница отправилась в священный поход, — вооруженные силы короля оказались у стен замка Мураг-Нар, последнего пристанища темных эльфов уже на краю Темных областей.

Она сделала еще глоток, чтобы смочить горло.

— Мы заметили, что чем дальше двигалась наша армия на северо-восток, тем слабее становилось сопротивление темных эльфов, и когда в поле зрения оказался Мураг-Нар, стала ясна причина этого: грабители душ стянули все силы в замок, там оказалось до десяти тысяч кровожадных темных эльфов, прирожденных воинов, не боявшихся смерти, готовых на все, чтобы удержать крепость, которая считалась неприступной. Многие в истории пробовали ее захватить и потерпели неудачу, а все, чем мы располагали, — это шеститысячной армией, почти вдвое меньше воинов, чем у темных эльфов. Но мы приняли вызов, и таким образом

началась осада замка, продолжавшаяся почти три месяца. За это время никому не удалось ни попасть в замок, ни выйти наружу, и мы беспрестанно обстреливали крепость из катапульт и горящими стрелами, пока Аарнум с советниками не решил наконец, что темные эльфы уже ослабли от голода и мы можем попытаться взять приступом замок. Но король ошибся...

Фальк наморщил лоб:

— Насколько?

— Темные эльфы оказались более выносливыми, чем кто-либо ожидал, — объяснила Зара. — Много более выносливыми и крайне жестокими. Потому что, как выяснилось, когда у них закончились продовольственные запасы, они не голодали, а питались мясом погибших, а когда убитых не хватало, они умерщвляли десятки своих товарищей и съедали их. Чтобы сохранить силу, эти монстры питались трупами, в то время как мы несколько недель действительно голодали. — От воспоминаний черты ее лица стали жестче. — Штурм крепости продолжался тридцать дней и ночей. Тридцать дней и ночей, когда пали почти все, кого я знала, когда приходилось идти вброд по колено в крови и крики умирающих и раненых, кажется, не умолкали ни на минуту...

Она хлебнула еще шнапса, чтобы прогнать ужасные видения.

— Нам удалось проломить одну из крепостных стен и попасть в крепость, где бойня с неослабевающей яростью длилась еще три дня... пока последняя голова темного эльфа не оказалась насаженной на столб на зубцах замка... Я искала в подвалах замка оставшихся темных эльфов... И там, в одной из темниц, нашла ее, закованную в цепи.

Брови Фалька поползли вверх.

— Ее?

— Молодую женщину, — пояснила Зара. — Или, по меньшей мере, она выглядела как молодая женщина. Вероятно, лет двадцати или того меньше. В темной, сырой темнице с железными кандалах на руках и ногах, она была прикована цепью к стене. Платье изодрано в клочья, полуголое тело покрыто бесчисленными шрамами необычной формы — некоторые походили на клейма в форме креста, выжженные глубоко в теле. Еще белые, вздутые волдыри, как будто ее тело обрызгали каплями кипящего масла. Всевозможные виды резаных, колотых ран и ожогов... Собственно говоря, никто не выжил бы после таких пыток, но она еще жила — или, по крайней мере, я посчитала ее состоянием жизнью, так как, когда я приблизилась, чтобы удостовериться, что женщина мертва, она открыла глаза и посмотрела на меня большими зелеными глазами, как у кошки... или как у змеи... Она была удивительно, сказочно красива и, несмотря на все, что над ней учинили, выглядела как ангел: длинные, выющиеся белокурые волосы, большие сияющие глаза и лицо, словно выписанное рукой великого художника... Она посмотрела на меня, и мне захотелось ей помочь, снять оковы, спасти ее... Она казалась такой хрупкой и беспомощной, такой уязвимой... Я заверила ее, что теперь все будет хорошо, и поспешила освободить от оков, но едва я раскрыла железные наручники на запястьях, как она,

словно дикий зверь, бросилась на меня и с жадностью погрузила свои клыки мне в шею... Она настолько изголодалась... пила, как умирающая от жажды...

Взгляд Зары был направлен в далекую даль, в сумеречный подвал тюрьмы замка Мураг-Нар, где отчаянное сопротивление молодой воительницы, которая несколько долгих лет противостояла смерти, с каждым жадным глотком, сделанным вампиром, становилось слабее, пока наконец лишь глаза продолжали лихорадочно двигаться, белые, судорожно вздрагивающие глазные яблоки в глазницах...

— Должно быть, темные эльфы продержали ее взаперти несколько недель, может, даже месяцев, — пояснила Зара тихим голосом. — Там она была одна в темноте. Снова и снова они приходили и играли с ней в свои игры, чтобы посмотреть, как реагирует организм на такие вещи, как святая вода, чеснок или крест. Таким образом они могли мучить ее еще месяцы — месяцы, пока не пришли мы. — Зара вздохнула от нахлынувших воспоминаний. — Она высосала бы у меня всю кровь до последней капли, но, прежде чем она успела это сделать, появились мои товарищи. Если бы у бессмертной было больше сил, она наверняка набросилась бы и на них, чтобы подкрепиться и их кровью, но долгие пытки так истощили ее, что она с гневным шипением удрала лабиринтом катакомб, прежде чем ее успел задержать кто-либо. Она исчезла в темноте, а я умерла на руках своих друзей.

Фальк был озадачен:

— Ты умерла? Тогда ты умерла?..

Зара кивнула.

— Рассматривая органически, да, — подтвердила она. — Как бы то ни было: они погребли меня вместе с другими павшими в битве в огромной братской могиле за крепостью, вместе с сотнями мертвых гномов и людей. Темных эльфов же, напротив, не зарывали в землю, а сжигали. Когда же через два дня я пришла в себя и, сбита с толку, оглушенная, с помутненным сознанием выбралась через сотни гниющих мертвецов и метровой толщины слой земли наружу, дым костров сожженных темных эльфов все еще ударял в нос.

Она отпила еще глоток шнапса.

— Неуверенно ступая, я двигалась по полю перед замком, а извести, как огнем, жгла мою кожу, но я этого почти не замечала. Сначала я даже не понимала, где я и что со мной произошло. Моя голова была совершенно пуста, только постепенно воспоминания стали возвращаться, и когда я вспомнила, что со мной случилось — чем я стала, — тогда во второй раз умерла Сара фон Ланштейн и родилась Зара...

Она смолкла и больше не сказала ничего, обратив взгляд в прошлое, ощущая запах тел горящих темных эльфов.

Фальк тоже молчал, потрясенный рассказом Зары. Он не раз слышал жуткие истории о вампирах и вурдалаках. Из их могил днем можно было услышать тихое чавканье и скрежет. А ночью они поднимались, чтобы посетить тех, кого любили когда-то, чтобы забрать к себе в холодную мертвую землю. В Шиферсале, маленькой деревушке, расположенной на глухой окраине Анкарии, где родился Фальк, в те времена, когда он был ребенком, ходили слухи, что ночью на кладбище бесчинствует вампир. Люди даже знали его имя — Аргон. До своей смерти он был уважаемым человеком в Шиферсале, состоятельным, пользующимся авторитетом и благословленным богами огромным потомством — детьми и внуками, так что ему пришлось построить самый большой в деревне дом, чтобы собрать всех под одной крышей. Но вот однажды Аргон исчез по дороге в Крэенфельс, куда направлялся для совершения сделки. Его искали целую неделю, пока наконец не нашли истерзанный, наполовину зарытый труп в лесу. Как оказалось, на него напали, ограбили и убили. Вся деревня собралась, чтобы отнести Аргона на кладбище к могиле рядом с маленькой церквушкой. Через шесть месяцев после похорон причетник поклялся, что видел Аргона разгуливающим по кладбищу. На следующий день еще два человека видели его в деревне, как он крался возле своего старого дома. В течение дня якобы доносились странные звуки из могилы Аргона, и быстро распространился слух, что дух Аргона, полный ярости и ненависти из-за постигшего его несчастья, вернулся в свое тело и теперь оживший мертвец покушался на кровь своих близких. Всю деревню охватила паника. Местный священник пытался удержать разгневанную толпу от того, чтобы осквернить кладбище, но страх двигал людьми, и таким образом в один яркий летний день в полдень они откопали гроб Аргона и подняли его с помощью веревок из могилы. Фальк, тогда еще совсем маленький мальчик, со всеми другими зеваками заявился на кладбище, желая не пропустить спектакль. Когда мужчины открыли гроб, он втайне рассчитывал, что мертвец широко раскроет ярко-красные глаза, оскалит клыки и распадется в пыль, но, хотя солнечные лучи падали мертвецу прямо на лицо, ничего не произошло. Мертвец просто лежал неподвижно в своем гробу, с закрытыми глазами и сложенными на груди руками, в том же положении, в котором его и похоронили. Ничто не указывало на то, что он покидал гроб. И все же вид мирно лежащего мертвеца напугал молодого Фалька больше, чем когда-либо раньше и чем что-либо потом. Кое-что в Аргоне изменилось с того дня, когда его отнесли к могиле: волосы стали длиннее, и кудри ниспадали волнами на плечи, а под длинными острыми ногтями что-то пристало: не то земля, не то подсохшая кровь. Но гораздо важнее было то, что Аргон совсем не выглядел так, будто пролежал в земле полгода. На теле никаких признаков разложения, наоборот, губы Аргона были красные и пухлые, на щеках легкий румянец, и хотя Фальк тогда внушал себе, что все это только воображение, ему показалось, что Аргон выглядел несколько более упитанным, чем прежде.

Тем не менее ничто не указывало на то, что Аргон был вампиром, от которого их предостерегали старики, и они снова заколотили гроб Аргона и опустили в могилу, но предварительно отделили от тела голову и положили ее лицом вниз на погребальную подушку.

— Для надежности, — сказала Фальку бабушка, когда, как обычно, укладывала его спать. — Чтобы он обрел покой.

Очевидно, Аргон и в самом деле обрел покой, так как отныне никто больше не видел, как он крадется ночью по деревне, а также не слышал днем странных звуков из его могилы, что тем не менее не помогло Фальку избавиться от страха перед прогулками по кладбищу. Втайне он не переставал бояться, что его обязательно схватят за ноги бледные руки, если он пойдет по тропинкам между рядами могил, чтобы утащить внутрь земли.

Но теперь он понял, что не нужно бояться кладбищ; бессмертные лежат не в могилах — они находятся среди живых, гуляют по оживленным улицам, на первый взгляд ничем не отличаясь от своих жертв, неприметные фигуры, которых никто не посчитает способными сделать что-либо злое.

И не было ли это самой большой опасностью, которую несло зло? Что под маской нормального человека оно неопознанным находится среди смертных?

Северный ветер наметал снег в окно, ветер слабо гудел по углам и закоулкам дома, но то, что раньше казалось Фальку зловещим, теперь действовало на него успокаивающе. Он снова занялся раной Зары и некоторое время молча старался ухватить последнюю пулю в ее бедре, в то время как она лежала молча, обратив взгляд внутрь, полностью погрузившись в воспоминания.

— А что с ней стало? — через некоторое время прервал молчание Фальк.

— Хм?... — лишь произнесла Зара, как будто очнувшись от глубокого сна.

— С вампирессой, которая подарила тебе кровавый поцелуй, — настаивал Фальк. — Что с ней стало?

Зара пожала плечами.

— Ни малейшего понятия, — призналась она. — После того как она исчезла в катакомбах, я ее больше не видела. Я и сейчас не знаю, кто она, хотя таких, как мы, немного. Вампиры не выносят конкуренции относительно питания и по этой причине убивают каждого, у которого испробовали крови, чтобы не оставлять последователей. То, что я «родилась», явилось недосмотром, а не было намерением.

— Вероятно, это и есть причина, — предположил Фальк.

— Причина чего? — спросила Зара.

— Того, что ты пытаешься помочь людям, — объяснил Фальк. — Я имею в виду, что во всех историях о вас вампиры злые, но ты пытаешься делать доб...

— Я злая, — неожиданно резко громким голосом прервала его Зара. — Иначе я вряд ли сегодня вечером прикончила бы этих мужчин, или ты уже все забыл?

Она смотрела на Фалька, и взгляд ее был жестким и одновременно исполненным глубокой печали.

— Никогда не забывай, кто я, — со всей убедительностью сказала она. — Не забывай, что я творила такие гнусные вещи, которые ты и представить себе не можешь. Никогда не забывай, что я тебя и любого другого в мгновение ока могу отправить к праотцам. Или, еще хуже, могу сделать вас подобными себе: бродячим мертвецом, бездушным и жестоким, проклятым вечно жаждать крови живых и сеять смерть и отчаяние среди людей.

Она пристально пронизывающим взглядом посмотрела на Фалька и сказала:

— А ты считаешь, что это — добро?

Фальк некоторое время спокойно выдерживал ее пронизывающий взгляд. Затем опустил голову, так как не знал, что ответить на страстную тираду, и принялся снова копаться в ране пинцетом, ухватил наконец пулю и одним движением извлек ее из раны.

Клонг!

— Дело сделано, — резюмировал Фальк и небрежно бросил пулю в таз. — Это последняя.

— Спасибо, — пробормотала Зара и неожиданно заторопилась прикрыть наготу.

Она поспешно встала. Седельные сумки висели на стуле рядом с дверью. Она покопалась в них и обнаружила не только блузку из белого материала, но и платье черного цвета, до пола, с захватывающим дух вырезом на спине и декольте, с нежным тонким плетением кружев по краю и вшитым корсетом. Под любопытными взглядами Фалька она выскользнула из кожаных брюк, надела белую блузу и натянула платье через голову. Оно слабо прошелестело, когда материя по обнаженному телу скользнула вниз к полу. Корсет можно было зашнуровать сбоку, так что ей не пришлось просить Фалька о помощи. Это ее вполне устраивало, ибо что-то новое внезапно возникло между ними. Может быть, оттого, что он узнал о ней такие вещи, о которых она не рассказала прежде никому? Или потому, что его отказ согласиться с тем, что она — злая, дал ей надежду? Так или иначе, но с сегодняшнего дня между ними кое-что изменилось, а хорошо это или плохо, покажет время.

Зара поправила платье и зашнуровала корсет так крепко, что ее талия стала еще тоньше и грудь под тонкой белой рубашкой соблазнительно выделялась. Она не могла вспомнить, когда надевала платье в последний раз, но оно по-прежнему сидело на ней, как влитое, в весьма выгодном свете представляя ее женственные округлости, так что Фальк даже присвистнул.

— Боже мой, — прошептал он растерянно, когда она повернулась в свете масляного светильника. — Ты выглядишь... — он сглотнул, — фантастически.

— Думаешь, я понравлюсь ему? — робко спросила Зара.

— Моя дорогая! — восхищенно воскликнул Фальк. — Даже слепой посчитает тебя в этом

наряде обворожительной!

Зара нерешительно улынулась. Ощущение быть облаченной в платье оказалось немного странным, как будто с платьем она поменяла также и свою личность. В полном замешательстве она пристально рассматривала свои руки — под ногтями все еще виднелись полумесяцы подсохшей крови, как воспоминания, которые она не в состоянии прогнать. Как будто Фальку каким-то образом удалось прочитать ее мысли, он положил нож и пинцет в таз к свинцовым пулям, подошел к ней и мягко положил руки на плечи, тем вынудив ее посмотреть на него.

— У меня нет никакого страха перед тобой, — спокойно сказал он. — И безразлично, что ты делала раньше, сейчас я вижу, что ты хочешь быть хорошей, чего не может сказать о себе большинство нормальных людей, включая меня. Так что хватит представлять себя хуже, чем ты есть на самом деле, и забудь, наконец о смерти. Ты уже так давно мертва, что почти забыла, что значит жить. Но так не должно быть. Просто иди дальше по дороге, которую выбрала, и однажды получишь отпущение грехов, которого так жаждешь.

Зара сглотнула; она не могла вспомнить, чтобы кто-нибудь когда-нибудь с ней так говорил и простыми словами выразил кратко то, что определяло все ее существование. Она обдумывала, о чем они говорили, как ей вести себя теперь, когда он узнал о страшной тайне, но, прежде чем слова успели сорваться с губ, в дверь постучали.

Фальк повернул голову.

— Это, должно быть, Эла.

Зара наморщила лоб:

— Эла? Сестра Яна?

Фальк кивнул и, улыбаясь, накинул пальто.

— Не только у тебя сегодня tête-à-tête, — пояснил он, в то время как его взгляд был направлен в тусклое зеркало рядом с дверью, и всеми десятью пальцами он постарался привести растрепанную шевелюру в порядок.

— Это не tête-à-tête, — снова возразила Зара, но, вспомнив о своем наряде, виновато улынулась. — Ну да, пожалуй, что и так.

— Тогда насладись свиданием, — посоветовал Фальк, направляясь к двери. — Я, во всяком случае, поступлю именно так.

Он открыл дверь, и там, в узком коридоре действительно стояла Эла — стройная фигурка, закутанная в простое, но изящное пальто, волосы убраны под большую кожаную шапку, щеки

румяные от холода, снег таял на ее плечах. Когда Фальк подошел к ней и запечатлел на щеке легкий приветственный поцелуй, она не просто улыбнулась, а засияла, и нежный румянец на лице, кажется, стал чуть-чуть ярче. Эла нерешительно кивнула Заре, затем Фальк обнял ее за плечи, и дверь за ними захлопнулась. Зара осталась одна.

Она слышала их удалявшиеся шаги по коридору, приглушенное поскрипывание ступеней, когда они спускались по лестнице, тихий, веселый смех, неизменный спутник молодых, такой свободный и невинный, что Зара ощутила легкий приступ зависти. При всем желании она не могла вспомнить, когда в последний раз чувствовала себя так свободно и беззаботно. Если это вообще когда-либо было.

Она подошла к окну и посмотрела, как Фальк и Эла пересекают площадь. Фальк крепко держал девушку под руку, она нежно прижималась к нему, и легкими шагами они двигались сквозь кружащийся снегопад...

Зара тяжело вздохнула, глядя вслед возлюбленным, как они, тесно прижавшись друг к другу, пробираются сквозь сугробы.

Затем услышала снаружи грохот, скрип и фыркание лошадей и, опустив взгляд, увидела внизу перед таверной упряжку из четырех лошадей. Кучер, сидевший на козлах, свободно держал кнут в руке, лицо скрыто в тени широкополой шляпы, и ждал. Каждый раз, когда лошади фыркали, из ноздрей вырывались струи белого пара. На дверце кареты красовался золотой герб: два льва под украшенной дубовым венком короной с угрожающе поднятыми лапами и разинутыми в ярости пастьями боролись друг с другом.

Зара чуть помедлила в нерешительности, раздумывая, насколько правильно то, что она решила предпринять. Затем резко отвернулась от окна. Фальк прав: она была слишком долго мертва, настало время вернуться к жизни!

Даже если только на одну ночь.

<http://tl.rulate.ru/book/15991/319687>